Перевод со шведского
Елены Тепляшиной

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44
C89

Published by agreement with Salomonsson Agency

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Сунд, Эрик Аксл.
Слабость Виктории Бергман. [Ч. 2]. Голодное пламя / Эрик Аксл Сунд; пер.
со шведского Е. Тепляшиной. — Москва: АСТ: CORPUS, 2015. — 509, [3] с.

ISBN 978-5-17-088440-7

Комиссару Жанетт Чильберг некогда вздохнуть. Во-первых, надо срочно отыскать сына, пропавшего, как раз когда в столице орудует садист, убивающий подростков. Во-вторых, вычислить самого садиста вопреки давлению начальства, норовящего за-морозить расследование. В-третьих, разобраться с новой серией убийств, ибо некто взялся жестоко сводить счеты с мужчинами, в прошлом попадавшими под суд за на-

силие над детьми, но так и не понесшими наказания. И, наконец, в-четвертых, понять, что же несет ей хрупкая и удивительная связь с психотерапевтом Софией Цеттерлунд. Софии же предстоит решить, стоит ли помогать следствию составлением психологи-ческого профиля маньяка. Есть у нее и более важные задачи — помочь двум девуш-кам, чья жизнь изуродована насильниками-педофилами, проникнуть глубже в память и душу загадочной Виктории Бергман и выяснить, что же происходит во время ее собственных провалов в памяти, оставляющих за собой странные, зловещие следы.

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-088440-7

© Erik Axl Sund, 2011
© Е. Тепляшина, перевод на русский язык, 2015
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015
© ООО “Издательство АСТ”, 2015
Издательство CORPUS ®

C89

Памяти нас, предателей, посвящается

Тоска ясней у женщины-пилота. Она сидит нередко перед Мимой, застыв. Ее прекрасные глаза
меняются, загадочно сияют,

соприкоснувшись с непостижимым. Пылают в них огни тоски, голодный этот пламень ищет пищи, чтоб поддержать тепло и свет души.

Она сказала года три назад:
— Гораздо лучше будет, если мы бестрепетно осушим чашу смерти
за трапезой прощальной и исчезнем1

.

Харри Мартинсон

Аниара

1 Перевод И. Бочкаревой.

9

Свободное падение

Ужас приходит в Стокгольм. Темно-синий плащ, чуть темнее вечернего неба над Юргорденом и заливом Ла-дугордсландсвикен. Светлые волосы, голубые глаза, су-мочка на плече. Тесные красные туфли натерли пятки, но она привыкла. Мозоли теперь — часть ее личности. Благодаря боли она всегда начеку.
Если бы только она могла простить, она обрела бы свободу — она сама и те, кто будет прощен. Столько лет она пыталась все забыть, но ей это так и не удалось. Она и сама не понимает, что ее месть организована как цепная реакция.

Снежный ком пришел в движение четверть жизни назад в гимназии Сигтуны, в сарае с инструментами. Едва лишь сдвинувшись с места, ком подмял ее под себя — и покатился в сторону неизбежного.
Что знали скатавшие этот снежный ком о его даль-нейшей судьбе? Скорее всего — ничего. Наверное, они просто стали жить дальше. Забыли о том событии, словно оно было невинной игрой, которая началась и закончи-лась в том сарае.

А она продолжает двигаться. Время для нее несуще-
ственно, оно не лечит.

Ненависть не тает. Напротив, она затвердевает все больше и острыми кристаллами льда покрывает все ее существо.

Голодное пламя

10

Вечер прохладный, воздух влажен от ливней, ко-торые идут один за другим всю вторую половину дня.

Со стороны американских горок доносятся вопли. Она поднимается, проводит щеткой по волосам, осматривается. Делает глубокий вдох и вспоминает, зачем пришла сюда. У нее есть цель. Она знает, что должна сделать.
Под башней перестроенной смотровой площадки, чуть наискосок, — переполох. Двое охранников уводят какого-то мужчину, рядом бежит, плача, маленькая де-вочка. Наверное, его дочка.
На земле лежит женщина, рядом с ней — разбитая бутылка. Над женщиной склонились люди. Кто-то вы-зывает врача.

Осколки стекла бросают резкие блики на влажный после дождя асфальт.
Она понимает: момент, когда надо действовать, вот-вот настанет, хоть все и не так, как она спланировала.

Случай упростил ей задачу. Упростил настолько, что ни-кто не поймет, что произошло.
Мальчика она видит неподалеку. Он совсем один
у калитки, ведущей к аттракциону “Свободное падение”. Простить что-то, что можно простить, — никакое
не прощение, думает она. Настоящее, чистое проще-ние — это простить непростительное. Такое под силу только богу.
Мальчик растерянно озирается, и она медленно идет
к нему, а он поворачивается, отворачивается от нее. Своим движением он почти до смешного облег-чил ей задачу — незаметно зайти ему за спину. Теперь до него всего пара метров. Мальчик по-прежнему стоит к ней спиной, словно высматривая кого-то.

настоящее

Настоящее прощение глупо, безумно и наивно, ду-мает она. Но она ожидает, что виновные станут выка-зывать раскаяние, а значит, прощение никогда не осуще-

ствится. Воспоминание есть и останется раной, которой не дано затянуться.

Она берет мальчика за руку.
Вздрогнув, он оборачивается, и в то же мгновение она втыкает иглу мальчику в левое плечо.

Несколько секунд он изумленно смотрит ей в глаза,
а потом у него подгибаются ноги. Она подхватывает мальчика и усаживает на ближайшую скамейку.
Никто не заметил ее маневра.
Все как всегда.
Видя, как лежащая на земле женщина начинает ше-велиться, она вынимает что-то из сумочки и осторожно надевает мальчику на голову.

Розовая пластмассовая маска представляет собой свиное рыло.

12

“Грёна Лунд”

Комиссар уголовной полиции Жанетт Чильберг точно помнила, где находилась, когда узнала, что на Свеавэген убит премьер-министр Улоф Пальме.
Она сидела в такси, на полпути в Фарсту, и мужчина рядом с ней курил ментоловую сигарету. Тихий дождь,

дурнота — слишком много пива.

Как Томас Равелли отразил мяч в пенальти в матче
с Румынией на чемпионате мира 1994 года, она смотрела по черно-белому телевизору в баре на Курнхамнсторг. Владелец бара тогда угощал всех пивом.
Когда потерпел крушение паром “Эстония”, она ле-жала с гриппом и смотрела “Крестного отца”.
Более ранние воспоминания включали The Clash в Ху-вет, подкрашенный блеском для губ поцелуй на школьной вечеринке в третьем классе и день, когда она в первый раз отперла дверь дома в Гамла Эншеде и назвала его своим
домом.

Но миг, когда исчез Юхан, она так и не могла вспомнить. Там навсегда осталось черное пятно. Десять ми-нут, которые стерлись из памяти. Которые украл ал-каш из “Грёна Лунд”. Переосвежившийся сантехник из Флена, случайно заехавший в столицу.
Шаг в сторону, взгляд вверх. Юхан и София висят
в корзине, поднимаются, и кружится голова, хотя Жанетт прочно стоит на земле. Какое-то перевернутое голово-

настоящее

13

кружение. Снизу вверх, а не наоборот. Башня кажется такой хрупкой, сиденья — примитивно сконструирован-ными, и любая неисправность в воображении Жанетт оборачивается катастрофой.
И вдруг — звук разбившегося стекла.
Возбужденный голос.
Кто-то плачет. Корзина ползет все выше. Какой-то мужчина угрожающе приближается к Жанетт, она от-страняется. Юхан, хохоча, что-то произносит.
Скоро они окажутся в самой высокой точке.
— Убью, д-дьявол!
Кто-то толкает ее в спину. Жанетт видит, что муж-чина не в состоянии контролировать свои движения.

Алкоголь сделал его ноги слишком длинными, суставы закостеневшими, а оглушенную нервную систему — слишком медлительной.
Мужчина спотыкается и мешком валится на землю. Жанетт поднимает взгляд. Косо свисают, болтаются ноги Юхана и Софии.
Корзина ненадолго останавливается.
Мужчина поднимается. Лицо в царапинах от камеш-ков и асфальта.
Детский плач.
— Папа!

Малышка лет шести, в руке розовая сахарная вата.
— Пойдем, папочка! Я хочу домой.
Мужчина не отвечает. Он озирается в поисках против-ника, на которого можно было бы излить свое разочарование. Жанетт, движимая полицейским рефлексом, дей-ствует не раздумывая. Она касается плеча мужчины и произносит:

Голодное пламя

— Послушайте, успокойтесь-ка.
Ее цель — направить мысли скандалиста по другому пути. Увести его от недовольства.
Мужчина оборачивается. Глаза мутные, красные. Печальные и разочарованные, почти пристыженные.
— Папа… — повторяет девочка, но мужчина не реаги-
рует. Он таращится в никуда, взгляд расфокусирован.
— Ты еще кто такая? — Он стряхивает руку Жанетт. —
Пошла на хрен!
У него изо рта пахнет чем-то едким, губы покрыты тонкой белой пленкой.
— Я только хотела…

В тот же миг Жанетт слышит, как корзина начинает падение. Вопли смешанного со страхом восторга застав-ляют ее сбиться, потерять бдительность.
Она видит Юхана — волосы дыбом, рот широко открыт в громком крике.

И видит Софию.
Она слышит девочку.
— Нет, папа! Нет!
И поэтому не замечает, как мужчина рядом с ней заносит руку.

Бутылка бьет Жанетт в висок, и в глазах чернеет.

15

Мыс Принца Эугена-Вальдемара

Подобно людям, которым всю жизнь капитально не ве-зет, но которые все же не теряют надежды, Жанетт Чиль-берг в своей полицейской ипостаси испытывала стойкое отвращение ко всему, от чего хоть немного веяло пес-

симизмом.

Она никогда не сдавалась. Поэтому когда сержант Шварц, словно провоцируя ее, принялся ныть о плохой погоде, усталости и о том, что они застряли на месте в поисках Юхана, последовала единственно возможная реакция.

Лицо Жанетт налилось краской.
— Ну и черт с тобой! Катись домой, все равно от тебя
толку ни хрена!
Подействовало. Шварц попятился, как пристыжен-ный пес, а Олунд индифферентно остался стоять. Жа-нетт так разозлилась, что рана под повязкой запульси-ровала.

Немного успокоившись, Жанетт со вздохом махнула на Шварца обеими руками:
— Понял? Ты свободен.
— Идем… — Олунд взял Шварца за локоть, намерева-
ясь увести. Сделав несколько шагов, он обернулся к Жа-нетт, изобразив на лице оптимизм.
— Мы присоединимся к тем, на Бекхольмене. Может, там от нас будет больше пользы?